

УДК 94(47):930.1(410.1)

**ОБРАЗ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
В СОЧИНЕНИЯХ БРИТАНСКИХ ИСТОРИКОВ (1780-1800 ГГ.)**

Артеменкова К.П.

В статье представлена характеристика образа императрицы Елизаветы Петровны, сложившегося в ключевых британских исторических сочинениях о России последней трети XVIII в. – «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании» (1784) Уильяма Кокса и «История России» (1800) Уильяма Тука. Автор приходит к выводу, что именно указанные произведения положили начало изображению в британской россике конца XVIII-XIX вв. образа Елизаветы Петровны в темном свете. С подачи историка У. Кокса с одной стороны в литературе надолго был закреплен противоречивый, порочащий образ Ее Величества как одновременно распутной и глубоко религиозной императрицы. С другой стороны, как отнюдь не гуманной и милостивой монархини, допустившей в своей стране действие жестокой и несправедливой карательной машины, применявшей к подданным жестокие пытки и ссылки, обрекавшие их на страдания и мучительную смерть.

Ключевые слова: россика, Уильям Кокс, Уильям Тук, Елизавета Петровна, дело Лопухиных.

**THE IMAGE OF THE EMPRESS ELIZABETH PETROVNA
IN THE ESSAYS OF BRITISH HISTORIANS (1780-1800S)**

Artemenkova K.P.

The article deals with the image of the Empress Elizabeth Petrovna formed in the British historical essays about Russia of the last third of the 18th century: “Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark” (1784) by William Coxe and “History of Russia” (1800) by William Tooke. The author of the article comes to the conclusion these essays marked the beginning of the negative image of Elizabeth Petrovna in the British Rossica of the late 18th and 19th centuries. Coxe’s historical work fixed the controversial image of Her royal Majesty in the literature for a long

time. On the one hand, she was presented as both promiscuous and religious empress; on the other hand, as a far from humane and merciful monarch, as Elizabeth allowed the operation of a cruel and unjust punitive machine, which applied cruel tortures and exiles to her subjects in her country.

Keywords: Rossica, William Coxe, William Tooke, Elizabeth Petrovna, the Lopukhins case.

Для британской исторической литературы 1762-1770-х гг. в большей степени были характерны как идеализированный образ Елизаветы Петровны, так и благожелательные, нейтральные оценки царствования российской императрицы. Биографические сведения, факты о внутренней и внешней политике императрицы в исторических нарративах раскрывались поверхностно и были использованы авторами в качестве примера и подтверждения как гуманности Елизаветы Петровны, так и в целом пользы её царствования для российского государства. Прежде всего, публицисты превозносили дочь Петра Великого за такие человеческие качества как доброта и милосердие. В центре внимания многих текстов находился указ императрицы об отмене смертной казни и рассматривался как символ её благостного правления, а саму дочь Петра Великого авторы превозносили за такие человеческие качества как доброта и милосердие.

Период 1780-1800 гг. открыл новую страницу в британской историографии о Елизавете Петровне. Его новизна, во-первых, заключается в расширении информации об уже затронутых в литературе темах (переворот 25 ноября 1741 г., русско-шведская война, Семилетняя война, ссылка Брауншвейгского семейства), так и в постановке новых проблем в биографии Елизаветы Петровны и истории её царствования (способность императрицы управлять государством и её религиозность, культурное развитие империи, осмысление уголовного права елизаветинского царствования). Во-вторых, именно в это время в британской россике произошел отход от идеализации русской императрицы, и появились новые критические оценки событий

правления 1741-1761 гг., противоположные устоявшемуся в предшествующих сочинениях мнению о милосердной и добродушной русской монархии. Подобный подход к описанию личности Елизаветы Петровны и времени её правления был заложен в труде британского историка, путешественника Уильяма Кокса «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании», изданном в 1784 г. [15]. Также появление неодобренных характеристик личности царицы, её внутренней и внешней политики обнаружено и в книге британского публициста, переводчика Уильяма Тука «История России от основания монархии Рюриком до Екатерины Второй», увидевшей свет в 1800 г. [29].

Уильям Кокс (1748-1828) начал карьерный путь в 1772 г. как приходской священник, однако вскоре основным видом его деятельности стало тьюторство. Сначала он был воспитателем лорда Блэндфорда, сына третьего герцога Мальборо, затем наставником сына графа Пемброка лорда Герберта. С 1775 по 1779 гг. Кокс сопровождал будущего одиннадцатого графа Пемброка в европейском «туре» [17, р. 878], в маршрут которого были включены такие страны как Польша, Россия, а также Дания и Швеция. Впечатления, сведения, приобретённые Коксом во время этих путешествий, и легли в основу его трехтомника «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию». В России англичане пробыли с августа 1778 по февраль 1779 г. Второй раз Кокс посетил Россию в ноябре 1784-апреле 1785 г., сопровождая молодого Самуэля Уитбрета. Сочинение Кокса довольно объемное: первое издание вышло в свет в двух томах в 1784 г. В 1790 г. был опубликован третий том сочинения. За 18 лет после его первой публикации этот труд выдержал 5 изданий (1784, 1785, 1787, 1792, 1802). Сочинение британца, судя по количеству переизданий, оказалось популярным не только в Великобритании, но и в Европе, так как книга была переведена на немецкий, французский, голландский, шведский и итальянский языки [4, с. 98; 18, р. 99]. В отличие от других британских авторов XVIII-XIX вв., излагавших историю России второй половины XVIII в. через хронологическое перечисление царствований российских монархов, Кокс подавал материалы по отдельным темам, характеризующим социально-

экономическое, политическое и культурное развитие Российской империи. Следовательно, повествование британца о царствовании Елизаветы Петровны не было целостным и подробным, а факты о нем были рассеяны по различным разделам, например, таким как уголовное право, сословия, культура (развитие истории, поэзии) Российской империи [16, р. 4-7, 19, 33-37, 60, 79, 80, 81, 83, 195, 202, 205].

Кокс выступил не только как пересказчик отдельных эпизодов царствования Елизаветы Петровны и компилятор, а как вдумчивый исследователь, историк и философ, переосмысливший устоявшиеся в британской исторической литературе оценки елизаветинской России. Об оригинальном характере выводов, об индивидуальной исследовательской работе Кокса свидетельствуют не единожды высказанные автором в тексте сомнения о правильности тех или иных фактов, его личные откровения об упущенной возможности подробно осветить определённый сюжет [16, р. 33-36]. Справедливо замечание исследовательницы И. В. Гуняковой о потенциале Кокса как историка, для которого были свойственны, как и сопоставление данных нескольких источников, так и критический анализ доступной исторической информации [4, с. 99]. Значительная ценность труда Кокса характеризуется наличием в книге отсылок к источникам с частичным указанием выходных данных и приложения со списком литературы, что позволяет установить круг литературы о России, доступной в последней трети XVIII в. для изучения британскими публицистами, литераторами и переводчиками. Для написания отдельных сюжетов елизаветинского царствования Кокс использовал как мемуарную литературу (вероятно, переводы на французский язык записок Миниха [27], Манштейна [25], а также письма миссис Джейн Уорд Рондо Вигор [24; 26]), так и исторические нарративы современников о России (выпуски «Журнала новой истории и географии» А. Бюшинга [10; 11; 12], «Историю России» П. Левека [23]). Повествование о судьбе брауншвейгского семейства, об участии Иоанна Антоновича отчасти было составлено на основе, как полагают историки,

достоверных статей немецкого журналиста А. Бюшинга «История русского императора Иоанна III» [3, с. 241; 11] и «История семьи Великой княгини и регентши Анны и герцога Антона Ульриха Брауншвейгского» (в более позднем издании) [3, с. 241; 10; 14, р. 78], а также с помощью устных свидетельств очевидцев событий, с которыми автор познакомился во время пребывания в России.

Кокс не рассматривал детально популярную в британской историографии тему переворота 25 ноября 1741 г. и причины прихода к власти императрицы. В основном, «Путешествия» затрагивали такие сюжеты елизаветинского царствования как ссылка брауншвейгского семейства, образ жизни свергнутого императора Иоанна Антоновича в Шлиссельбургской крепости [16, с. 33-37]. Также небольшую главу автор посвятил расцвету культуры при Елизавете Петровне через призму деятельности М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, Ф.Г. Волкова [16, с. 196-210], краткие пассажи его книги были посвящены биографии императрицы [15, р. 519-522]. Книга Кокса на долгое время прервала тенденцию идеализации Елизаветы Петровны в британской историографии и давала царице нелицеприятную характеристику. Автор представлял читателю русскую монархиню, прежде всего, как праздную и сладострастную [15, р. 519]. С целью показать двуличие Елизаветы Кокс кратко затронул особенности её личной жизни, состоявшей из двух противоположных друг другу крайностей – любвеобильности и религиозности: она «была счастлива, когда была влюблена, если мы можем удостоить этим словом ту капризную страсть, постоянно меняющую свой объект». Одновременно с присущей ей «похотливостью», развивал свою идею автор, «она была безукоризненно <...> пунктуальна в соблюдении как на публике, так и в частной жизни мельчайших обрядов и таинств церкви» [15, р. 520-521]. Косвенной причиной такого отрицательного образа Елизаветы Петровны является личное негативное отношение британца к России. Как отметила историк Н.В. Середа, «Путешествия» отличают общее неуважительное отношение автора к русской действительности и пренебрежительные оценки

возможности развития цивилизации в России, пребывающей, по его мнению, в состоянии варварства и в конце XVIII в. [8, с. 327].

Последующие рассуждения Кокса были направлены на разоблачение сложившегося в панегирической литературе образа милосердной и гуманной правительницы Елизаветы Петровны. Наибольший интерес представляют размышления британца о противоречивости уголовного законодательства в период правления дочери Петра Великого, включавшего в отношении подозреваемых, преступников как прекращение вынесения смертных приговоров, так и применение членовредительских наказаний. Кокс также сетовал на то, что часть современников в Западной Европе неверно трактовали значение известного указа об отмене «эзекуций», подписанного Елизаветой Петровной в 1744 г. (указ 7 мая 1744 г. приостанавливал приведение на местах приговоров к смертной казни без санкции Сената) [1, с. 520]. Они расценивали его введение как проявление милосердия русской императрицы к своим подданным. Автор указывал, что источниками такого несправедливого взгляда на законодательство Елизаветы как на образец «милосердия», являлись в том числе сочинения французского просветителя Вольтера и английского правоведа У. Блэкстона [16, р. 80]. Кокс, таким образом, вступив в полемику с авторитетными мыслителями, писал, что нельзя «согласиться с высокими похвалами, которые были высказаны в отношении Уголовного кодекса после указа Елизаветы» [16, р. 79], идея о мягкости которого, по его мнению, была «иллюзорной». Прямое подтверждение своего высказывания британец видел в сохранявшейся при Елизавете карательной системе, характерной чертой которой была изощренная жестокость, обрекавшая преступников на долгую и мучительную смерть в ссылке. Историк сообщал, что «многие преступники умирают от болезни или от последствий кнута, некоторые из них изнемогают от усталости после долгого путешествия в Нерфинск (Нерчинск – К.А.) <...> трудно рассматривать судьбу этих несчастных изгоев в каком-либо ином свете, кроме как в свете затянувшейся казни», – подчеркивал Кокс.

Нельзя сказать, что историк обличал российское законодательство середины XVIII в. в силу своих гуманистических воззрений. Во-первых, он сам признавал эффективность действия смертной казни, а её отмену, наоборот, рассматривал как один из факторов повышения уровня преступности и социальной нестабильности в стране. Во-вторых, критика автора исходила из убеждения превосходства западноевропейского (в случае Кокса английского) уголовного права, сохранявшего смертную казнь, над российским. Автор исходил из наблюдения, что, несмотря на указ 1744 г., в елизаветинской России «смертная казнь <...> неизбежно сохранялась, хотя главная польза, вытекающая из страха перед смертью, значительно уменьшалась», в то время как в западноевропейских странах смертная казнь была закреплена в законодательстве, что, по мнению Кокса, являлось для общества «самым серьезным предупреждением преступлений». И уголовное российское право, таким образом, в интерпретации автора представало не только менее эффективным, но и более жестоким, чем в других странах, поскольку формальная отмена смертной казни фактически оборачивалась для обвиненного более медленной и мучительной смертью [16, р. 81-82].

Еще одно важное обвинение Кокса в сторону императрицы касалось сохранения в уголовном праве пыток в ходе допроса, которые в восприятии автора были орудием «варварства и деспотизма», а «Елизавета, несмотря на всю приписываемую ей снисходительность, дала неограниченный простор (практике пыток – *К.А.*)». Образ Елизаветы как милосердной правительницы развеивался Коксом при противопоставлении дочери Петра I императрице Екатерине II, издавшей указ о запрете «воеводам или младшим судьям применять пытки» и, таким образом, вставшей на путь создания гуманного законодательства в Российской империи [16, р. 83].

Для Кокса одним из главных свидетельств отнюдь не добродушного нрава Елизаветы стала сцена наказания с битьем кнутом, урезанием языков и отправкой в ссылку статс-дам Н.Ф. Лопухиной и А.Г. Бестужевой. Стоит подчеркнуть, что Кокс далеко не был первым автором, писавшим о характере

наказаний в царствование Елизаветы и, в частности, о деле Лопухиных. Впервые британская публика ознакомилась с историей расследования заговора и описанием наказания арестованных заговорщиков еще в сентябре 1743 г., благодаря опубликованным в британских газетах и журналах обширным статьям со ссылкой на события в Петербурге в августе 1743 г. Солидный объем первых известий о деле Лопухиных (в среднем 40 строк), несомненно, свидетельствует о горячем интересе британских современников к этой теме. Но публикации прессы не содержали критики императрицы за способы наказания осуждённых подданных [31; 32, p. 500; 33; 34; 37; 38, p. 422-423].

Тем не менее, дело Лопухиных продолжало интересовать западноевропейскую общественность. Известным для британцев стал также опубликованный в 1770 г. (четвертое издание в 1785 г.) в «*The Annual Register*» обширный текст «Рассказ о том, как наказание кнута было применено к знаменитой госпоже Лапушиной (Лопухиной – *К.А.*) в Петербурге», извлеченный из сочинения французского путешественника, аббата Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь» [30, p. 151-157; 13]. Тот же экстракт публиковали и в других британских периодических изданиях в сходных или различных редакциях [35, p. 407-410; 39, p. 146-150; 40, p. 11-13].

Растиражированные в британских изданиях описания «жестокоего» [36, p. 599] наказания Лопухиной в глазах читателя постепенно развеивали образ милосердной российской монархини. Публикации этого отрывка из «Путешествий» д'Отроша в разного рода редакциях, комментарии свидетельствовали о стремлении авторов уже в 1770-е гг. осмыслить елизаветинскую Россию как с положительных, так и с отрицательных сторон. Действительно, уже тогда британцы были хорошо знакомы с указанным сюжетом русской истории, и пересказывая его, основывались, по-видимому, на сочинении упомянутого д'Отроша, но не давали явных негативных оценок императрице [22, p. 26-27]. Именно Кокс первый среди британских авторов стал расценивать пытку Лопухиной и Бестужевой как доказательство мифа о

милосердия как самой Елизаветы Петровны, так и гуманности наказаний в Российской империи в 1740-е гг.

Пытку статс-дам историк эмоционально характеризовал как «величайшее бесчестие её царствования», а повеление Елизаветы публично подвергнуть придворных дам пыткам «варварским приказом». Британец убеждал читателя, что подобные методы жестокой расправы с павшими в немилость императрице отражают истинную сущность Елизаветы Петровны, которая «не заслуживает названия гуманной, самой благородной черты монарха, когда он принимает участие в смягчении суровости правосудия» [15, р. 521-522]. Этот пример для обоснования мысли о мнимой гуманности Елизаветы Петровны был охотно воспринят британскими публицистами и историками и прочно закрепился в британской историографии XIX столетия. Труд Кокса приобрел широкую читательскую аудиторию в Англии и за её пределами, в том числе оказал влияние на развитие британской историографии конца XVIII-начала XIX вв. о царствовании Елизаветы Петровны, что подтверждает наличие отсылок к «Путешествиям» в заметках британских библиографических словарей [19; 20; 21], а также в исторических сочинениях о России, издававшихся в указанный период [9, р. 167-185; 42, р. 388-402].

Значительным вкладом в британскую историографию конца XVIII в. о русской истории и культуре XVIII в. стала литературная деятельность британского священника, писателя, переводчика и историка Уильяма Тука. Тук прожил в Российской империи с 1771-1792 гг., три года в Кронштадте в качестве капеллана, а в 1774 г. он переехал в Санкт-Петербург, заняв должность капеллана британской колонии [28, р. 49-50]. Долгое проживание в столице обусловило его близкое знакомство с русской и западноевропейской культурой, а также выбор тем исторических исследований. После возвращения в Англию в 1792 г. Тук посвятил себя литературному творчеству и принялся за публикацию результатов своих разысканий. Именно в Лондоне были изданы его самые главные труды, посвященные истории России, в частности жизни и царствованию Екатерины II [5, с. 125-127].

С точки зрения вклада литератора в историографию о елизаветинской России важна его книга «История России от основания монархии Рюриком до Екатерины Второй», опубликованная в 1800 г. [29, р. 260-338]. Исторический труд Тука по объему (одной только истории царствования Елизаветы автор посвятил 78 страниц), по многообразию охваченного материала, по уровню фактологии превзошел все предыдущие сочинения британкой россики о Елизавете Петровне. Если история елизаветинского царствования в книге Кокса была изложена разрозненно и только по определенным щепетильным для автора темам таким как жизнь Иоанна Антоновича, уголовное право, то в книге Тука правление дочери Петра Великого было по меркам того времени представлено подробно и целостно [29, р. 260-338]. Так он более детально и точно описал переворот 25 ноября 1741 г. [29, р. 265-276], уделил огромное внимание внешней политике (Русско-шведской войне [29, р. 288-297], Семилетней войне [29, р. 298-330]), однако внутренняя политика и биография императрицы были раскрыты поверхностно [29, р. 331-332, 333, 338]. Около 6 страниц в книге посвящены ссылке брауншвейгского семейства [29, р. 278-284].

Если «Путешествия» Кокса были скорее концептуальны и ориентированы на порочащие образ Елизаветы характеристики, то оценки в «Истории России» Тука были как весьма положительные, так и отрицательные и зависели от подобранных автором материалов. Более того, сочинение Кокса ценно тем, что снабжено отсылками к различным источникам, однако текст Тука, наоборот, не содержит упоминаний использованных им работ в написании пассажей о елизаветинском правлении. Об их происхождении можно судить лишь по дословному воспроизведению Туком отрывков из известных оригиналов. Например, факты, приводимые Туком о ходе переворота 25 ноября 1741 г., о составе его участников и их роли в русской «революции», отчасти совпадают с содержанием сочинений Манштейна, Миниха и Бюшинга [6, с. 9; 7, с. 310-311; 29, р. 265-266, 269]. А отдельные пассажи, суждения, об уголовном праве в елизаветинской России [15, р. 521; 29, р. 338], о судьбе брауншвейгского

семейства были заимствованы у Кокса и из статей Бюшинга [29, р. 279; 16, р. 35].

Уильям Тук отверг, как и Кокс, характерную для британских авторов второй половины XVIII в. идеализацию императрицы Елизаветы Петровны, не попав, таким образом, под полное влияние пропагандистских источников Елизаветинского царствования. Особое место в книге британский писатель отвел освещению судьбы Брауншвейгского семейства после переворота 25 ноября 1741 г. [29, р. 278-285]. В описании тяжелого положения Анны Леопольдовны и её семьи, сначала заточенной в рижской крепости Дюнамюнде, затем в Ранненбурге и в Холмогорах проявилось критическое отношение Тука к Елизавете Петровне. Фактология, датировки отчасти совпадают с пассажами Кокса, что дает основание предполагать, что Тук так же использовал знаменитую статью Бюшинга об Иоанне III [29, р. 279; 16, р. 35]. Расписанное в британской исторической литературе милосердие и благородство императрицы тускнело на фоне описания Туком мрачной жизни Брауншвейгской четы и их детей. Наибольшую горечь и сострадание у британца вызывала история участия Иоанна Антоновича после 1756 г., когда его перевезли из Холмогор в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости. По словам Тука, бедный Иоанн был так «тесно замурован, что можно было бы сказать, что он был буквально погребен заживо в подземном склепе» [29, р. 280]. Рассказ автора об однообразной, безнадежной жизни свергнутого императора получился детальным, глубоко эмоциональным и взывал англоязычного читателя к осознанию несправедливости и в некоторой степени жестокости елизаветинского правления. Хотя Тук открыто не давал негативных оценок императрице, однако подчеркивал, что она до конца своих дней осталась равнодушной к положению Иоанна Антоновича. Британец сообщал, что Елизавета Петровна «дважды тайно привозила его в Петербург, разговаривала с ним, не давая ему понять, кто она; но для его освобождения, для облегчения его ужасной, незаслуженной участи она ничего не делала» [29, р. 282].

Тук представлял читателю Елизавету Петровну как малоспособную к серьезной государственной деятельности правительницу, в то время как Россией реально управляли её фавориты и министры: «Елизавета, как императрица, мало управляла самостоятельно, – заключал автор, – именно ее министры и фавориты диктовали ей постановления и указы». Среди них Тук выделял «Бестучефа (А.П. Бестужева-Рюмина – *К.А.*)» и «Разумофского (А.Г. Разумовского – *К.А.*)». Подобную характеристику писатель составлял на основе сведений, почерпнутых из донесений, заметок и воспоминаний современников, не видевших в Елизавете государственного деятеля [29, р. 330]. Но нельзя обвинить Тука в очернении образа царицы, которая в его представлении если и не была подлинной «государственницей», то стала покровительницей наук и искусств в Российской империи. Развитие русского театра, поэзии, архитектуры, образования, как полагал Тук, было заслугой самой императрицы [29, р. 333]. Если в сфере государственной деятельности фигуру Елизаветы затмевали её фавориты и министры, то в области культуры все достижения автор приписывал исключительно ей, оставляя в тени имена М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова: «она основала в 1758 году Академию <...> для искусства живописи и скульптуры (Академия Художеств в 1757 г. – *К.А.*) <...>. В Москве она создала университет (Московский университет в 1755 г. – *К.А.*) и две гимназии». Елизавета Петровна продолжила внутривластный курс её предшественников, и социально-экономическое и культурное развитие страны в период её царствования становилось, по мнению автора, «все более процветающим» [29, р. 332].

Но по представлениям британца, далеко не все было так радужно в елизаветинской России. Его возмущение вызывало особое положение гвардейцев, которые в первое время после переворота чувствовали себя «хозяевами» в столице. Виновницей вседозволенного поведения военных изначально была сама Елизавета, щедро наградившая тех, кто возвел её на престол. Они, подчеркивал автор, «опьяненные этими знаками благосклонности, бунтовали во всех видах, вымогали деньги у богатых людей

<...> и вели себя с величайшей грубостью и дерзостью, особенно с иностранцами в армии» [29, р. 287]. Автор, вероятно, располагал сведениями из донесений секретаря саксонского посольства Пецольда и излагал весьма схожую версию обстановки в российской столице [2, с. 90]. Образ действий гвардейцев оказывал только деморализующее влияние на русскую армию: «Чрезмерная вольность» гвардейских полков «не служила хорошим примером для остальной армии» [29, р. 335]. Очевидно, что Тук мог быть знаком с сочинением Кокса и, вероятно, заимствовал отрицательные суждения своего предшественника о деятельности Тайной канцелярии [15, р. 521]. Иностранец разделял мысль о подлой деятельности Тайной канцелярии, ставшей в его описании одним из символов несправедливости Елизаветинского царствования и загубленных под давлением порочной государственной машины судеб. Он писал, что «самые низкие и распутные люди были теперь наняты в качестве шпионов и доносчиков <...> за то, что они свидетельствовали против самых добродетельных людей, если им случалось взглядом, пожатием плеч, несколькими безобидными словами выразить свое неодобрение действиями государыни» [29, р. 338]. Таким примером Тук вновь показывал британской читающей аудитории, что не такой уж и милосердной являлась российская царица. Вновь следуя за рассуждениями Кокса [16, р. 81-82], автор выразил скептическое отношение к эффективности введения в елизаветинской России моратория на смертную казнь: «нельзя сказать, что это было на пользу империи, – писал Тук, – поскольку вследствие этого число злоумышленников, заслуживающих смерти, росло с каждым днем» [29, р. 331].

Сочинения У. Кокса и У. Тука по истории елизаветинской России оказались наиболее популярными в британской историографии в конце XVIII в. вплоть до второй половины XIX столетия, и были использованы будущими поколениями публицистов, историков и составителями справочных изданий. Подобная историческая литература, содержащая пересказы текстов, суждений У. Кокса и У. Тука, на протяжении столетия формировала в глазах британского читателя отрицательный образ Елизаветы Петровны [9, р. 167-185; 19; 20; 21;

41, p. 220-222; 42, p. 388-402]. Нелицеприятный портрет русской монархини был основан на следующих идеях автора «Путешествий». Во-первых, британец подал мысль о противоречивости личности Елизаветы как одновременно любвеобильной, праздной и вместе с тем глубоко религиозной государыни. Во-вторых, он отказывался оценивать указ 1744 г. об отмене смертной казни как проявление милосердия Елизаветы Петровны в отношении своих подданных, поскольку в восприятии автора закон реально оставался только на бумаге. А смертная казнь продолжала существовать посредством зверской практики пыток, применяемых в отношении обвиняемого, которые приводили его к медленной и мучительной смерти. Таким образом, Кокс подводил читателя к мысли, что Елизавету Петровну нельзя признать гуманной государыней. Британский литератор У. Тук в книге «История России» также не был склонен идеализировать русскую императрицу и указывал на отсутствие у нее способностей государственного деятеля и на действующую в стране систему шпионажа и пыток, омрачавшую её царствование. Не делал чести Елизавете Петровне общий для авторов рассказ о ссылке отстраненного от власти брауншвейгского семейства, в деталях раскрывавший тяжелую и невыносимую судьбу свергнутого императора и показывавший британскому читателю равнодушие императрицы к такому положению своего дальнего родственника.

Появление нового взгляда на елизаветинскую Россию и приумножение о ней знаний, прежде всего, обуславливается обращением британских публицистов к разным источникам личного происхождения, а также к западноевропейским историческим сочинениям, содержащим новые сведения. С одной стороны, личные качества публициста также могли повлиять на негативную характеристику российской императрицы. Как Кокс, так и в некоторой степени Тук – пример британских писателей, более вдумчиво и внимательно изучавших доступные исторические материалы, вследствие чего критический, а не идеализированный подход к елизаветинской России был неизбежен. С другой стороны, для такого автора как У. Кокс было характерно пренебрежительное отношение к Российской империи как к стране варварской

– такое предубеждение иностранца накладывало негативный отпечаток и на его восприятие елизаветинской России.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.
2. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2001. 426 с.
3. Белковец Л.П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в. Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 286 с.
4. Гунякова И.В. Записки У. Кокса как источник по истории России XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 98-101.
5. Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век / Пер. с англ. Юрия и Надежды Беспятовых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
6. Курукин И.В. Дворцовый переворот 1741 года: причины, "технология", уроки // Отечественная история. 1997. № 5. С. 3-23.
7. Миних Б.Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубровина, 1997. С. 273-318.
8. Середа Н. В. "Свой" – "чужие" – "другие" в контексте записок У. Кокса и их судьбы в России // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 325-333.
9. Anderson W. Sketches of the history and present state of the Russian Empire. London: Printed for Gale, Curts, and Penner, 1815. 439 p.
10. Büsching A. Geschichte der Familie der Großfürstin und Regentin Anna und Herzogs Anton Ulrich von Braunschweig // Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle. XXII. 1788. S. 418-424.
11. Büsching A. Geschichte des rußischen Kaisers Johann (Iwan) des Dritten // Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg. VI. 1771. S. 519-556.
12. Büsching A. Magazin für die neue Historie und Geographie. Hamburg. I. 1767. 418 s.
13. Chappe d'Auteroche. A Journey into Siberia, made by order of the King of France. London: T. Jefferys, 1770. 395 p.

14. Coxe W. Travels in Poland, Russia, Sweden and Denmark. Vol. III. London: Printed for T. Cadell, 1802. 404 p.
15. Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Volume the first. London: Printed by J. Nichols, 1784. 590 p.
16. Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Volume the second. London: Printed by J. Nichols, 1784. 632 p.
17. Coxe, William // Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 13. Oxford, 2004. P. 878-880.
18. Cross A. In the Lands of the Romanovs. An annotated bibliography of first-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613-1917). Cambridge: Open Book Publishers, 2014. 419 p.
19. Elizabeth (Petrovna) // The General Biographical Dictionary: Containing an historical and critical account of the lives and writings of the most eminent persons in every nation / Ed. by Chalmers A. Vol. XIII. London, 1812. P. 133-135.
20. Elizabeth Petrovna // General biography; or, lives, critical and historical, of the most eminent persons of all ages, countries, conditions, and professions, arranged according to alphabetical order / Ed. by Aikin J., Morgan T., Nicholson. Vol. the Third. London, 1802. P. 550-551.
21. Elizabeth Petrowna // A New and General Biographical Dictionary; Containing an historical and critical account of the lives and writings of the most eminent persons in every nation; particularly the British and Irish; from the earliest accounts of time to the present period. Vol. V. New edition. London, 1798. P. 318-320.
22. Kaimes H. Sketches of the history of man. Volume. II. Dublin: Printed for the United Company of Booksellers, 1775. 263 p.
23. Levesque P.C. Histoire de Russie. Tome Cinquieme. A Paris: Chez Debure l'aîné, Libraire, Quai des Augustins, 1782. 565 p.
24. Loewenson L. Lady Rondeau's letters from Russia (1728-1739) // The Slavonic and East European Review. 1957. Vol. 35. No. 85. P. 399-408.

25. Manstein C.H. von. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie. Tome Second. A Lyon: Chez Jean-Marie Bruyset, 1772. 428 p.
26. Mrs. Vigor. Letters from a lady who resided some years in Russia, to her friend in England with historical notes. London: Printed for J. Dodsley, 1777. 207 p.
27. Münnich B.C. von. Ebauche pour donner une idee de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. A Copenhague, 1774. 190 p.
28. Pollard A.F. Tooke, William // Dictionary of National Biography / Ed. by Sidney Lee. London, 1899. Vol. 57. P. 49-50.
29. Tooke W. History of Russia: From the foundation of the Monarchy by Rurik, to the accession of Catharine the Second. Vol. II. London: Printed by A. Straban, Printers-Street, 1800. 528 p.
30. The annual register, or, a view of the history, politics, and literature, for the year 1770. The Fourth Edition. London: Printed for J. Dodsley, in Pall-mall, 1785. 264 p.
31. The Caledonian Mercury. 1743. Num. 3596. Petersburg, Sept. 6.
32. The Gentleman`s Magazine, for September 1743.
33. The Ipswich Journal. №239. 1743. Petersburg, Aug 17.
34. The Ipswich Journal. №243. 1743. Petersburg, Sept. 6.
35. The London Magazine, or, gentleman`s monthly intelligencer. Vol. XXXIX. For the Year 1770. London: Printed for R. Baldwin, 1770. 692 p.
36. The Monthly Review. Volume. XL. London: Printed for R. Griffiths, 1769. 608 p.
37. The Newcastle Courant. Numb. 2599. 1743. Extract of the Empress of Russia`s Manifesto concerning the Persons that had a hand in the late Conspiracy.
38. The Scots Magazine. September, 1743.
39. The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. Vol. XLVII. London: Publ. John Hinton, at the King`s Arms in Paternoster Row, 1770. 385 p.
40. The Universal Magazine of Knowledge and Pleasure. Vol. XLVIII. London: Publ. by John Hinton, at the King`s Arms in Paternoster Row, 1771. 385 p.

41. Tyrrell H. History of the Russian Empire: from its Foundation, by Ruric the Pirate, to the accession of the Emperor Alexander II. London and New York: the London printing and publishing company, 1859. 546 p.

42. Willcocks. T. History of Russia, from the foundation of the Empire, by Rurik, to the present time. Devonport: W. Byers, bookseller to his Majesty, fore-street, 1832. 548 p.

Сведения об авторе:

Артеменкова Ксения Павловна – магистрант 1 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Artemenkova Ksenia Pavlovna – first-year master's student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: artemen-ksen@mail.ru.